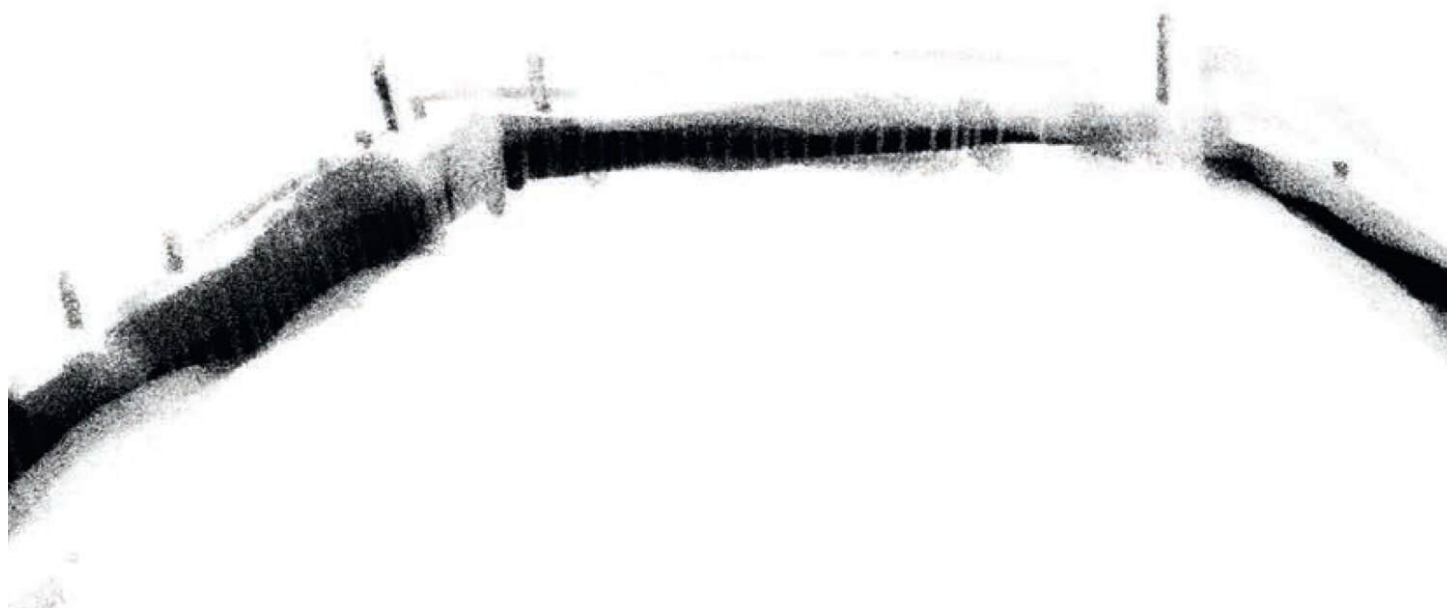

**ричард
семашков**

**тетрис
для
бедных**

18+

Содержит
нецензурную
брань

Во весь голос

Ричард Семашков
Тетрис для бедных

Издательский дом «Городец»

2023

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6

Семашков Р.

Тетрис для бедных / Р. Семашков — Издательский дом
«Городец», 2023 — (Во весь голос)

ISBN 978-5-907641-20-4

Дебютная книга прозы Ричарда Семашкова – редкий образец повествования, где действие отнесено далеко в сторону от федеральных трасс и шумных столиц, где время бесконечной русской зимы превращается в алкогольную медитацию, ведущую по кругу добрых, чудаковатых и отчаянных героев.

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-907641-20-4

© Семашков Р., 2023
© Издательский дом «Городец», 2023

Содержание

Тетрис для бедных	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ричард Семашков

Тетрис для бедных

© Семашков Р. В., 2023

© ИД «Городец», 2023

Тетрис для бедных

Устав от праздной алкогольной жизни в Петербурге со всеми ее тревожными последствиями, я решил не искать новую квартиру в аренду, – из старой нас попросили съехать, – а перебраться со своей маленькой семьей в деревню. Жена не возражала, у сына никто мнения не спрашивал.

Жители этой деревни называют ее городом, но если она и была когда-то городом, то давным-давно.

При царе в ней работало два десятка питейных заведений, несколько постоянных дворов, десяток амбаров для хлеба, которым загружали баржи. Работала земская больница, ремесленное училище и стояли городские казармы. При советской власти появились аптеки, школа, детский сад, тюрьма, а также открылся педагогический техникум и еще ремонтно-механический заводик.

В какой-то момент город стал знаменит своим пивным заводиком, который поил и кормил весь регион.

Говорят, что неподалеку был аэропорт и билет на самолет там стоил чуть дороже автобусного. Затем все закрылось, зарылось, разворвалось вплоть до последней пивной бутылки.

Сейчас на тех предприятиях даже бродячие кошки не гуляют, а в аэропорт я до сих пор не верю.

Осталась пара сотен избушек и пять-шесть двухэтажных многоквартирных домов.

Школы (причем как обычная, так и коррекционная) и детский сад тоже сохранились, а тюрьму переделали в психбольницу.

Меня всегда удивляло, что для такого маленького количества людей в деревне существовали коррекционная школа и психушка, однако оба заведения пользовались популярностью и никогда не пустовали.

В общем, мы ехали в этот город. Эту деревню.

Сын неистово макал в сырный соус картошку фри, за которой я сбегал, когда поезд остановился в Казани, а жена зачитывала матерные сообщения от тещи, сообщавшей нам, что тесть ушел в запой и не встретит нас на вокзале.

Запой этот скрывался до последнего. По официальным данным, тесть не пил уже год, но пришло время правды – тесть оказался не готов к долгожданному приезду внука. В ближайшие дни он его не увидит.

Без сомнений, обидней всего было самому тестю.

Я начал понимать, что сына совсем не интересует картошка – все дело в сырном соусе, а картошка служит всего лишь проводником между ртом и маленьким сырным ящичком. Жена заблокировала телефон и как-то слишком громко опустила его на стол рядом еще с одним сырным ящичком, который после нескольких минут ругани и слез придется отдать сыну.

Мы подъезжаем к городу Вятские Поляны, чтобы там сесть в машину и через сорок минут оказаться в простой русской деревне, которая граничит с Татарстаном.

Половину деревни совершенно логично заняли татары, которые довольно быстро стали русскими и зажили нормальной русской жизнью – с матерком, драками, громкими праздниками и крепким похмельем.

Впрочем, они были немного хитрее и собраннее, и от этого заборы у них стояли ровнее, а мотоциклы были чище и новее.

Также в этих краях можно было обнаружить удмуртов и марийцев, но их особо никто не отличал от татар.

Обойдя вокзал, мы уткнулись в магазин разливного пива «BEERlin». «На Берлин!» – подумалось мне, однако мы все равно свернули в сторону такси, волоча сумки с вещами.

Таксист наш тоже был татарин, речь которого сразу напомнила о местном говоре со всеми его нюансами.

В этих краях любую фразу говорили с вопросительной интонацией, даже если ничего не хотели узнать, а акцент в предложении делали на незначительное слово или слог.

«Ты вперед садись-то? – командовал таксист Айдар, – Быстро темнеть начало? – как будто спрашивал он нас об особенностях местного часового пояса. – Сын взрослый-то уже?» – бросил он в сторону двухлетнего ребенка, не прося при этом уточнений по возрасту, лишь улыбнулся и завел мотор.

По большому счету, никто никого здесь ни о чем не спрашивал. Все вопросы были риторическими. Все и так все знали.

Просто жили так же, как и пятьдесят лет назад, когда здесь летали самолеты малой авиации, а автобусные остановки напоминали штабы другой цивилизации, так же, как и сто лет назад, когда татары еще не употребляли водку, а русские презрительно не давали им сложную работу.

Кто-то спивался медленно, кто-то – обгоняя себя самого, кто-то бросил и скучает.

Россия – это когда плохо там и невозможно тут. Посмотрим, насколько нас тут хватит.

* * *

Время приближалось к четырем, и темнота почти полностью завладела деревней, а я так и не нашел тестя, который во время запоя был не вхож в собственное жилище.

Помимо дома, тесть с тещей владели маленькой квартиркой на другом конце деревни, но там, как и в единственной деревенской рюмочной, тестя не оказалось.

По улице ходили тени с маленькими фонариками, подсвечивая себе дорогу к дому, а все бродячие собаки моментально куда-то исчезли. Прямо как мой тесть.

Я хотел поздороваться с ним и спросить, нужна ли ему моя помощь, имея в виду сигареты или какой-нибудь долг в селпо.

Почти в каждый приезд я обхожу местные магазины, чтобы закрыть его задолженности.

На оплату подобных долгов бесполезно просить деньги у жены, поэтому он аккуратно обращался ко мне.

«Отдам с вахты, – бросал он и добавлял, что уходит из большого спорта: – Все! Свое я выпил. Заебало!» – и так до следующего раза.

Вахты, кстати, кончились около двух лет назад.

Тесть пошел короткой дорогой через посадку в магазин, в котором не был должен, и, перепрыгивая через ручей, сломал ногу в двух местах. Оказалось, что это была короткая дорога к пенсионной жизни.

Думаю, даже покойный Джек Лондон не смог бы воспроизвести, как пятидесятилетний мужик с монументальным похмельем и кровоточащей ногой, весь мокрый ползет из леса в сторону дома: «Домой! Все! Заебало!»

Российские мосты потеряли хорошего бригадира-монтажника, зато местный детский садик приобрел отличного завхоза.

Нога заживала, а из-за свободного рабочего графика тестя у тещи в огороде появились новые теплицы. В коридоре был поставлен красивый шкаф ручной работы, а на кухне что-то вроде детского столика, который одновременно мог служить стулом для взрослого человека.

Но спустя три или четыре месяца он аккуратно предложил отметить какой-то священный праздник и на следующий день, почувствовав себя хорошо, заявил, что употреблять будет, но «как вчера – по чуть-чуть», и так до первого серьезного похмелья.

Раньше тесть выселялся на веранду.

Выпивал все заначки, спрятанные в погребе, сарае и бане, окутывался в три одеяла и, подвивая, пытался заснуть. В качестве согрева иногда использовал хлебопечь, которая хранилась там же, – просто включал ее на полную, открывал и ложился спать. По ночам прокрадывался в дом и выпивал пару яиц – из еды во время запоя он больше ничего не употреблял. Говорят, в водке есть все необходимые калории.

О призраке с веранды дома вспоминали зло и мимоходом.

«Нашел уже где-то, придурочный!», – выглядывая из окна, замечала теща и, плюнув в сердцах, шла на кухню готовить.

В такие дни я, как правило, покупал коньяк и вечером под вкусную закуску выслушивал тещины тирады.

Из монолога, с огромным количеством аргументов и доказательств, выходило, что тесть – конченное чудовище и лучше б в том ручье он захлебнулся. Я кивал. Затем спрашивал, хотела бы она на кого-нибудь променять его в этой деревне, на что теща отвечала, что он все-таки единственный нормальный мужик, хоть и мудака.

Немного расстроенный, я вернулся домой, где уже все было готово для похода в баню, стоявшую за внушительного размера огородом.

Жена ловко выпрыгнула из своей обуви в предбаннике, слегка задев дрова, лежащие возле двери, и мы зашли в парилку, где очищались от грязи.

Я подставил тазик под кран с холодной водой, которая шла из бойлера, и тазик под кран с кипятком. Водрузив их на деревянный стол, мы начали намыливаться.

– Че ты там вошкаешься? – перешла на местный диалект жена.

– Чего? Намыливаю мочалку.

– Бесит, как ты моешься.

– Как? – улыбался я.

– Как городской, – презрительно бросила она.

Там, где я рос, парилка и помывочная были всегда в разных местах, поэтому за несколько лет я так и не привык мыться их вятским способом.

Наблюдая друг за другом, мы смыли с себя пену и, потершись друг о друга, принялись за дело. Сексом с городским моя жена не брезговала.

Немного отдышавшись в предбаннике, я оделся и пошел домой.

Все, что мне нужно было от бани, я получал быстрее жены и поэтому оставил ее в одиночестве.

Снег тонкой пленкой равномерно лежал на взрыхленной земле.

Теплицы, поблескивая, праздновали отпуск.

Закурив, я снова вспомнил про тестя. Где он сейчас? Какой ручей пытается перепрыгнуть?

Зайдя домой, я выпил стакан холодного яблочного компота, его для меня налила теща.

Красный, теплый и ароматный сын стоял на четвереньках и катал разноцветные пластмассовые стаканчики.

Тесть, наверное, тоже сейчас где-то катает стаканчики.

* * *

День проходил спокойно. Или, скажем так, – ничего не происходило.

Прервав трапезу только на беседу с соседом, спросившим, где он может найти тестя, я доел суп с клецками и принялся читать новый художественный роман писателя из Харькова. Жена вышла из комнаты и, сложив руки у щеки, изобразила, что сын заснул, затем приказала мне одеваться.

На улице было темно и пусто. Из изб валил негустой дымок. Все экономили энергию, поэтому, как правило, свет зажигали только в одном из окон.

Решили пойти до квартиры, где был шанс застать тестя.

Все магазины уже закрылись (в выходные дни они закрывались в два), лишь алкомаркет «Красное и белое» излучал свой красный инфернальный свет.

Купив две пачки сигарет для тестя и мензурку согревательного травяного ликера для себя, мы пошли в сторону его квартиры.

Поглазев с улицы в окна и постучав в дверь, я понял, что нам никто не откроет. Несколько раз я громко позвал его по отчеству, чтобы он не подумал, что за ним охотится теща, но ответа не последовало.

В несколько глотков мы осушили мензурку и дошли до катка, где местные дети шумно катались на коньках.

Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

Вспомнился отрывок из «Евгения Онегина».

Показалось, что возле катка спокойно курит тесть.

Хорошо разглядеть мужчину в большом черном пуховике в такой темноте было невозможно.

– Небось наблюдает за своим внебрачным сыном, – с усмешкой заметила жена.

– Может быть, все эти дети его? – предположил я.

– Или внуки! – окончательно развеселилась жена.

В семье ходили слухи, что как-то раз по пьяни тесть нагулял ребенка, но я в это особо не верил. Непохоже на него.

Похотливый мужик как будто услышал предположение моей жены и, кинув бычок за спину, ловко прыгнул на лед, чтобы поднять кричащего ребенка.

Тесть со своей переломанной ногой так сделать не смог бы.

На обратном пути мы снова зашли в инфернальный алкомаркет, купить бутылку коньяка на вечер. Теща работала два через два, и сегодня у нас был повод – ее последний выходной.

В магазине жена увидела свою бывшую учительницу музыки и, быстро отвернувшись, сказала, что подождет меня на улице. Та тоже не подала виду, что заметила свою ученицу. Не хватало еще в алкомаркетах общаться, как у кого жизнь складывается.

Я открыл пачку, которая предназначалась тестю, и закурил. Наконец загорелся единственный на этой улице фонарь. Идти стало проще.

Деревня где-то схоронила тестя, но приветствовала нас.

Когда мы вернулись домой, сын сидел на коленях у тещи и смотрел с телефона мультик про Львенка.

– Иди обниматься! – крикнул я обернувшемуся сыну, тот ловко сполз с бабушки, подбежал, приобнял мои ноги и устремился обратно к Львенку, в смысле – к бабушке.

Я сел в огромное кремовое кресло и включил на ноутбуке казачью песню «Нас пугали Пугачом».

Черная кошка Муська, спавшая на спинке кресла, открыла глаза – песня не была похожа на звуки из мультика про Львенка, но, быстро поняв, что ей ничто не угрожает, продолжила дрему.

Надеюсь, тесть просто спал в своей квартире и не слышал стука в дверь. У него не такой чуткий слух, как у Муськи.

Мультик кончился. На кухне сын нашел мухобойку и теперь направлялся к кошке.

Почувяв неладное, жена зашла в зал и, оценив ситуацию, выпалила, что если сын ударит кошку, то получит этой же мухобойкой по жопе. Сын опустил мухобойку, будто ничего насильственного не планировал, но жена не поверила ему и забрала тонкую битку для детского бейсбола.

Из ноутбука доносился мрачный хор:

Бери ножик, бери меч, да,
И пошли на брану сечь.
Тут ватага собиралась, да,
И киргизы, и татары, и вся рать в поход пошла, да.

«И там сплошные татары», – подумалось. Под такую песню можно было бы и подраться с кошкой!

Скоро ужин. Капуста с маслом и домашние пельмени со сметаной. Может быть, добавлю аджику.

* * *

Мизгирь (так местные называют паука) медленно полз мимо моей кружки, где я смешал соду с водой. От выпитой вечером бутылки я захмелел, может, минут на десять, когда курил, зато изжогу получил на всю ночь.

В зале, где я лежал читал роман на огромном кремовом диване, был еще раскладной черный стол для вечерних трапез, в основном он ждал своего вечернего часа в углу, еще два столика с прозрачным стеклом по бокам от дивана и кресло, на котором я просиживал всю эту зиму.

В углу спрятался компьютерный «школьный» угол с принтером, стационарным компьютером и стул на колесиках.

Музыкальные черные колонки «Союз» стояли по бокам от большой стенки, которая была центральным элементом в зале.

Верхняя полка была забита красиво расставленной посудой, несколькими семейными фотографиями и золотой медалью моей жены; в столбах-шкафах лежало разнообразное белье, книги и документы; на нижней полке главенствовал большой плазменный телевизор, правая ножка которого упиралась в усилитель от колонок.

Слева и справа от всего этого сооружения красовались две большие фотографии в рамках, задававшие стиль всему залу. Слева блестел Нью-Йорк, справа – Лос-Анджелес.

Ничего более безвкусного в деревенском доме представить было невозможно, однако родители моей жены так не думали и всякий раз включали свет на этих американских городах.

По всему залу были расставлены разнообразные большие и маленькие зеленые растения в горшках, они были везде: на полу, на колонках, на столиках, на стенке, на подоконнике, рядом с телевизором, у входа в зал.

Домашняя оранжерея, состоящая из кротона, драцены и других неизвестных мне растений, смиряла меня с неуместным нью-йоркским Центральным парком и лосанджелесским мостом Винсента Томаса.

В аннотации к книге, которую я читал, было написано: «Первое масштабное осмысление „русского танатоса“». Закончив читать главу, я закрыл книгу. Покури в сарае, прокрался в комнату, где спала моя маленькая семья.

Сын, игнорируя одеяло, разлегся посередине. Я расстроился. Уже третью ночь я не успевал занять место возле жены. В коридоре завошкала теща – проснулась. Спустя некоторое время захлопнулась входная дверь. Обнимая подушку, я слегка задел сына, но не разбудил его.

Утром я проснулся в комнате один и сразу понял, что народу в доме стало больше.

Почистив зубы, я направился в спальню к родителям жены и увидел там лежащего тестя. Рядом с ним сидел сын, они молча смотрели телевизор. Я подошел к тестю и, нагнувшись, сначала пожал ему руку, а затем приобнял за голову, по достоинству оценив его попытку улыбнуться.

– Живой? – Я улыбался по-настоящему.

– Аха, – даже этот короткий звук дался ему с трудом.

Поедая еще горячие блины, я заметил собирающуюся в коридоре тещу.

– Ты куда, мам?

– Так на работу. – Она не привыкла, что я не запоминаю ее смены.

– Я провожу, – сказал я, в надежде выведать волшебное возвращение тестя.

На работу мы шли тем же тернистым путем, которым когда-то ходил тесть за водкой через лаз.

Теща работала воспитателем в коррекционной школе. Недавно ее зарплату повысили с девяти тысяч в месяц до одиннадцати (минимальная оплата труда), но убрали все льготы, поэтому разницу она не почувствовала. Выйдя в прошлом году на пенсию, она продолжила работать. Сегодня ее смена начиналась в обед.

– Ночью за Палычем ходила? – начал аккуратно я.

– Ага, днем-то вроде живешь – не замечаешь, а ночью только об этом и думаешь.

– Ночью накрывает, да. – Я, как мог, поддержал разговор, чтобы она продолжила.

– Постучалась в окно. Где-то в четыре это было. Он выглянул... дверь открыл, не пьяный, дрожит весь. Я ему говорю, мол, пойдем домой, а он: «Как я детям в глаза буду смотреть». Прослезился. Ну вот и дошли потихоньку.

У школы я попрощался и повернул в сторону недавно открывшегося «Магнита», чтобы купить подгузники и полторашку пива для тестя.

Тесть, не считая перерывы на перекур, весь день лежал в комнате, большими глотками уничтожая пиво, а ближе к вечеру зашел ко мне в зал и сказал, что надо проверить котел в квартире.

– Пойдем. – Я все понял.

– Ну и пива купим, – добавил он.

– Ну да.

На улице комьями валил снег. Тесть, тяжело выдыхая, шел сзади. Мне было спокойно и хорошо. Разговаривать не хотелось.

В квартире и правда не работал котел, во что я до последнего не верил.

На кухонном столе громоздились бутылки, которые обычно стоят на самой низкой полке в любом алкомаркете, а также чеплашка с бычками. В единственной комнате напольный ковер был сдвинут, а на потрепанном кресле расположились фигурки жевательного мармелада, будто сейчас они приготовились играть в футбол.

«Фу, ну и закусь», – медленно проговорил я, то ли про себя, то ли вслух.

Вспомнил, как в этой квартире несколько лет назад я впервые сблизился со своей будущей женой.

Тогда я приехал знакомиться с ее родителями и сообщить им о нашем намерении жениться.

На тот момент это была наша четвертая встреча, до этого мы общались только в интернете. Ездить за тысячу километров было накладно, поэтому единственным вариантом видаться чаще была скорая женитьба.

Когда котел запустился, мы выключили свет в квартире и, покурив во дворе, откуда можно было проверить, идет ли дым, пошли домой. На обратном пути я заскочил в алкомаркет, взял полторашку пива, мензурку водки и пачку сухариков.

– Лишь бы не вырвало, – сказал тесть, прежде чем отпить свою половину из мензурки.

– Вот и проверим, – как-то не очень сочувственно вырвалось у меня.

– Вроде приживается, слав Бох! – спустя несколько шагов сообщил тесть.

Мы подходили к дому. Снег валил, будто праздновал возвращение блудного тестя.

«Завтра придется чистить двор», – безропотно подумалось мне.

* * *

Поутру я понял, что снега выпало не так много, чтобы браться за лопату.

Теща смешала мне творог со сметаной и кивнула в сторону вчерашних блинов. Я начал есть, косясь на турку, которая стояла на огне.

Книга про Россию через призму кладбища кончалась, а в сети писали, что в магазины поступила новая биография Есенина. Доставка книги в нашу деревню стоила столько же, сколько и книга, поэтому я решил попытать удачу в местном книжном, он был единственным.

Выйдя из частного сектора и перейдя по мосту ручей, ведущий к реке Засора, я попал в центр.

Продуктовые магазины количеством конкурировали только со строительными.

Помимо всеядного «Магнита» и узконаправленного алкомаркета, можно было встретить одиночные гастрономические точки: «Рыба», «Овощи и фрукты», «Мясо», «Хлеб», «Звениговский».

Между ними – «Мастерок», «Олимп», «СадОгород», «Строитель», «Все для стройки», «Молоток», «По металлу».

Большое количество магазинов с инструментами и строительными материалами объяснялось тем, что жители, как правило, сами занимались строительством и ремонтом.

В центре также можно было встретить парикмахерскую «Визит», магазин «Все для огорода и сада», пекарню «Добропёк» и контору по быстрому займу денег с омерзительной цветастой вывеской «КАПУ\$\$\$ТА».

Нового «Есенина» в книжном, конечно же, не оказалось, однако мне пообещали ее привезти. Я написал на листочке свою фамилию и номер телефона. Сказали, что позвонят через пару недель.

Дел у меня больше не нашлось.

Никаких знакомых, кроме любимых родственников и их соседей, у меня здесь не водилось.

Я вдруг подумал, что было бы круто наведаться к актеру Александру Калягину, он родился в этой деревне, но, к сожалению, забыл об этом месте, как о каком-нибудь плохом фильме, в котором сыграл главную роль.

Актер Леонид Броневой одно время тоже здесь жил. Его с матерью сослали сюда после того, как его отца объявили врагом народа. Но Броневой два года как помер, да и если бы был жив, вряд ли бы ошивался здесь в поисках скучающего рэпера.

Для разнообразия я решил устроить безалкогольный день, поэтому в «Магните», помимо сигарет, я купил лишь пятидесятиграммовую «Белугу» к борщу, его я ем со сметаной, перцем,

чесноком, хлебом с тонкой майонезной оболочкой и замороженной зеленью, которую теща хранит в верхнем ящике морозилки.

Вряд ли у Калягина в его сраной Москве есть сейчас такой борщ.

* * *

Весь день по какой-то несущественной причине не разговариваю с женой.

Вчера на ночь глядя она заявила, что я якобы недостаточно уважительно с ней обхожусь, когда в разных углах дома грубо хватаю ее за причинные места. Не нравится – не буду. Разговаривать в том числе.

То есть мы, конечно, о чем-то перекидываемся двумя-тремя словами, но это скорее похоже на перебранку двух незнакомых людей, которые отдавили друг другу ноги в метро.

– Вы че? Нафыпились друг на друга, – справедливо заметила теща, внимательно изучая нас за обедом.

– Все хорошо, мам, – чуть ли не одновременно ответили мы.

– Ага, а я слепощарая, не вижу!

Тесть третий день лежал в комнате с включенным телевизором и с полотенцем на голове – давление, лишь иногда отвлекаясь на минералку и сигареты – больше ничего употреблять он не мог. И то и другое я поставлял ему ежедневно в больших количествах.

Кроме меня, больше никто с ним в доме не разговаривал.

Теща – потому что он «беспутый», а жена – потому что «не о чем».

Я перекидывался парочкой слов в курилке и наблюдал, как он дрожащей рукой пытается попасть пеплом в банку из-под растворимого кофе. Я радовался, что он жив и лечится.

Ко второй половине дня этот взаимный бойкот с женой начал утомлять, но, даже когда молча поужинав, я, выходя из кухни, заметил ее умоляющий взгляд, сообщающий мне: «Пожалуйста, подойди и извинись, я больше так не могу», – я не дрогнул и проследовал дальше, мол, сама извиняйся.

Видимо, беспутый в этом доме не только тесть.

После того как она уложила сына на ночь, мы помирились.

Она подошла и сказала:

– Все! Хватит.

Я согласился.

Минут тридцать мы обсуждали некоторые нюансы наших взаимоотношений, а затем пошли в комнату закрепить наше перемирие. Наконец-то сын не занимал центральное место в кровати и был отодвинут к стенке.

* * *

– Кашеваришь, мам? – спросил я тещу, которую называл исключительно «мамой».

Начиналось все с «тетя Гали», через год (когда я подслушал разговор жены и тещи, где одна жаловалась другой на то, как я к ней обращаюсь) мое обращение перешло на «мам Галя», затем, к радости тещи, я убрал имя, и осталось только самое необходимое – мама!

– Да уже готово! – улыбалась теща. – Сделала грибницу. – Она любила, когда я лез к ней с вопросами.

– Типа грибной суп? – заглянул я в кастрюлю.

– Грибница! – гордо повторила теща.

– А в чем разница?

– Никакой. Но у нас его всегда так называли.

– Прикольно.

– Только в Кировской области он так называется!

– Я понял-понял!

Прожив семь дней без еды и три ночи без сна, тесть вынырнул из ада к внуку, к работе, к жизни.

Полулежа, он с удивлением поедал суп у себя в комнате. Было в этом что-то непривычное и волшебное. Су-у-у-уп! Сын сидел рядом и смотрел телевизор. Заметив меня, он начал активно жестикулировать. Видимо, ему не нравился выбор программы, которую включил тесть.

– Че жалуешься?! – не ожидал тесть такой подлой подставы.

– У-у! – обернувшись на тестя и показывая пальцем в сторону экрана, объяснял сын.

– Так реклама, епт!

Тесть вернулся после своего первого рабочего дня. Сегодня завхоза отпустили на час раньше.

– Давление скакануло, – объяснил причину своего четырехдневного отсутствия тесть. Четырехдневного, потому что запой удачно накрыл его перед выходными.

– Рич, че-то у меня симка не работает, – пообедав, поделился тесть.

– Давай глянем. – Я взял телефон, открыл его и, достав симку, вставил ее назад. Телефон ее не видел. – Пойдем в салон связи, – сказал я.

– Денег нет. – По правилам игры он все еще не мог брать у тещи банковскую карту. Доверие возвращалось не сразу.

– Ой. Хватит, – разыскивая свитер, я обозначил, что деньги не проблема.

– Ну пошли! – быстро уговорился он.

Снега за ночь выпало немного, но даже эту тонкую простынку во дворе кто-то сгреб в маленькую кучку у ворот. Наверное, тесть размялся перед работой.

– Ты, я смотрю, совсем очнулся... поел, – сказал я тестю, медленно идущему слева.

– Да слав Бох, ниче вроде, – закуривая, сказал он. – Головняки заебали жуть!

– Мне тоже на отходогах только кошмары снятся, – поделился я своим опытом.

– Да кошмары ладно. Вахты снятся!

Тесть махнул рукой в сторону татарина, тот курил на другой стороне дороги.

Мы проходили мимо детского сада, в котором он работал.

Деревянное здание было покрашено синей краской, между окнами танцевали большие разноцветные ромашки. Каждое окно было зашторено и светило по-разному. Были слышны детские голоса, которые вразнобой пели новогоднюю песню. Детский сад охраняли улыбающиеся медведь и заяц – на каждого животного ушло по четыре автомобильных шины, которые были ярко разрисованы белой и коричневой краской.

– Не закрыли там мой штаб? – всматривался тесть в свою каморку, которая примыкала к основному корпусу детского сада.

– Как здание повело-то, – заметил я.

– Дерево, хули. В сороковых тут конюшня была... точнее, в тридцатых, а теперь вот детвора учится.

В салоне связи нам поменяли симку. Тесть забыл очки, поэтому я сам заполнил бланк заявки и расписался.

– Спасибо. До свидания, – громко сказал я продавщице.

– Бля, надо было сказать «пока», – проворчал тесть, когда мы вышли на уже потемневшую улицу.

– Почему?

– Теперь вернуться придется.

Он решил проверить телефон и позвонил теще.

– Сделали? – услышал я ее голос.

– Ага! Проверяю вот. – Он как будто радовался, что они снова могут разговаривать после недельного молчания.

– А как ты мне звонишь, если у тебя задолженность на телефоне? – Теща говорила так громко, что я мог слышать каждое слово.

– Так по тарифу можно в минус уходить, – объяснил тесть.

– Ну давайте, – закончила разговор теща.

– Ага.

Тесть заблокировал телефон и, убрав его во внутренний карман куртки, достал пачку сигарет.

– У тебя задолженность? – спросил я его. – Так давай закроем.

– Да потом, – он махнул рукой.

– Ну хватит. Пойдем! – повернул я в сторону магазина.

Надо было настоять резко, но аккуратно, чтобы не задеть гордость тестя.

– Да я тебе и так должен, – сдался он, последовав за мной.

Когда мы выяснили задолженность на его симке и я через терминал пополнил счет, тесть громко сказал продавщице: «Пока!»

– Теперь точно не вернемся, – хмыкнул он, когда мы вышли.

По дороге домой я зашел в алкомаркет купить стограммовую мензурку к супу. Выйдя из магазина, я стал рядом с тестем, мы смотрели в сторону приближающегося к нам Шамиля.

Шамиль был огромным мужиком, так же как и тесть, он работал когда-то вахтовым методом на стройке крановщиком.

У него был большой дом на окраине деревни, а еще он гнал превосходный самогон, я не раз пил его в свои прошлые приезды. Кроме всего прочего, Шамиль был знаменит тем, что в свое время отсидел десять лет в лагере за разбой. Тесть рассказывал, что одновременно с ним в том же лагере чалился певец Александр Новиков, о котором подвыпивший Шамиль отзывался не очень лестно.

– Здорово, мужики! Вы чего тут? – подошел он к нам.

– Да вот симку меняли, – ударил себя по груди туда, где примерно находился телефон, тесть. – А ты?

– А я вот за рыбой пошел, – тряхнул головой в сторону алкомаркета Шамиль.

– Так тут рыба не продается, – рассмеялся тесть.

– Нет, – тоже засмеявшись, поправлял Шамиль, – рыбу я уже купил, но она, как известно, посуху не ходит.

– Это верно, – заметил тесть, он и сам любил эту поговорку.

– А ты куда пропал-то? – сказал Шамиль и тут же сам ответил на вопрос, щелкнув двумя пальцами себе по шее.

– Туда, ага. Все. Хватит. Заебал! – повторил в тысячный раз свою мантру тесть.

– Понимаю. У самого давление постоянно ебошит. Таблетки пью.

– Да, вот тоже надо начинать пить. Таблетки, в смысле.

– А че у тебя с котлом-то произошло? – начал Шамиль долгий разговор.

Я закурил и повернулся вполоборота к дороге. Про котлы мне было слушать неинтересно.

Иногда проезжали машины. Горбатый мужик по ту сторону дороги тащил небольшую ель на санках. Прошла небольшая шумная ватага детей с рюкзаками, видимо, после второй школьной смены. Дверь алкомаркета придерживала женщина с ярко-красными волосами. Наконец из магазина вышел мужик, таща перед собой ящик с пивом. Они дошли до белых «жигулей» и бережно уложили ящик на заднее сиденье. Уехали.

- Вся хуйня в теплообменнике, – слышал я голос тестя.
- Ну так они рукожопые ж. Легче самому все сделать, – замечал Шамиль.
- Стало совсем темно, но фонари не торопились зажечься.
- Ладно, не буду вас отвлекать, – посмотрев в мою сторону, сказал Шамиль, – заходите в гости, пока я не уехал на вахту.
- Может быть, – сказал тесть, пожимая руку Шамилю.
- Мне Шамиль тоже протянул руку. Она была большой и наждачной.
- Пока, Роберт, – улыбнулся мне Шамиль.
- Ричард, – поправил я его.
- Ага, точно. Ричард.

* * *

Наступил очередной банный день, и теща с обеда начала бегать за огород подкидывать дрова. У нее был выходной, а это почти праздник.

Тесть, вернувшись с работы, смотрел сериал Бориса Хлебникова, который я скачал ему и включил на своем ноутбуке. Сын с перерывом на сон и приемы пищи тусовался в его комнате, именно там всегда работал телевизор и всегда была возможность весело провести время, используя большой живот тестя в качестве батута.

Иногда он забегал в зал в поисках новых развлечений и, оценивая ситуацию, либо требовал меня поиграть с ним, либо приставал к кошке, которая проклинала день его приезда, либо бежал дальше к бабушке-маме и обратно к дедушке.

Двигался он так, будто по всему полу были установлены мины-ловушки, но у него имелись все необходимые навыки, чтобы обскакивать их. Иногда приходилось перемещаться на носочках, так, видимо, сподручнее было преодолевать противотанковые мины.

Чье-нибудь возвращение домой всегда сулило новые приключения, и поэтому любого члена семьи сын встречал радостными воплями и бежал обнимать того за ноги – выше он не дотягивался.

– Раздевайся и чем-нибудь удиви меня! – кричало все его тело.

Когда он проделал все это первый раз с тещей, та разрыдалась. От счастья.

С приездом внука она перестала возвращаться домой пешком, подсвечивая себе дорогу фонариком, а заранее заказывала такси за семьдесят рублей. Таким образом она сэкономила пятнадцать минут, которые можно было провести с ребенком. Эти пятнадцать минут стоили тех денег.

Если сына вдруг становилось не слышно, жена начинала беспокоиться и кричала на весь дом:

– Ты где приушипился? – и, как правило, находила его в нашей спальне, где он вдумчиво листал книги с детскими стихотворениями. Иногда она заставляла его в туалете: сын изучал структуру кошачьего наполнителя, пробуя его на зуб.

– Ты слышал, что Медведев щас ляпнул? – зашел в зал тесть.

– Не, Палыч, не смотрю. Че там? – оторвался я от ноутбука.

– Говорит, что в два года уже всю читал, – зло хмыкнул.

– Ого!

– Базланит, что был самым обычным ребенком, – продолжал возмущаться тесть.

– Значит, у нас необычный ребенок.

– Выходит, что мы все тут необычные!

Подкинув дров в баню, теща вернулась в дом. Тесть поспешил к ней рассказать про самого обычного премьера.

– Да ты че? – веселилась теща в коридоре.

– Да я сам охуел, – раздавалось по всему дому.

Ловко оббегая мины, ко мне приблизился сын и начал импульсивно махать рукой в сторону веселившихся бабушки и дедушки. «Неужели и он возмутился», – подумалось мне.

– Идите уже с Иринкой. Нагрелась! – заглянув в зал, скомандовала теща.

– Идем! – одновременно ответили мы.

Недавно в доме появилась душевая кабина, но я ни разу не видел, чтобы там кто-то мылся. Никогда так не делали, не стоит и начинать. Тесть долго откладывал деньги на душ и установил его из принципа «чтобы как у людей». Сомневаюсь, что он вообще смог бы влезть в эту кабину.

Баня была проверенным и правильным способом мытья дважды в неделю. Родители жены отщипывали от дровяных запасов несколько поленьев, чтобы привести себя в порядок.

Я бы спокойно предпочел ей новую душевую кабину, но лично для меня этот деревянный сруб был поводом уединиться с женой.

Смыв с себя пот и наспех одевшись, я вышел из бани.

Неожиданно пошел дождь, теплицы принялись звучно отражать его. Снег начал подтаивать, как будто декабрь не давал ему официального разрешения спокойно и без эксцессов лежать в этом огороде. Где-то далеко взорвалась петарда, соседская собака, возмутившись, громко высказала свои претензии.

Пытаясь не задеть паутину, я спустился в погреб, где хранились соленья и компоты.

Раньше тут можно было найти самогон тестя, но не сегодня. Благо до бани я сходил в алкомаркет за коньяком и поэтому не сильно переживал из-за отсутствия пятидесятиградусного пойла. Я выбрал трехлитровую банку с вишневым напитком – его мы еще не пили в этот приезд. Поднявшись и закрыв погреб тяжелой деревянной крышкой, я вдруг подумал, что здесь гораздо чаще, чем в городе, чувствую себя человеком – живым, чистым, настоящим. Или как это говорят... счастливым.

* * *

С возвращением тестя в лоно семьи ужины стали проходить веселее.

Я доставал из угла зала раскладной черный стол. Жена накрывала его скатертью, и мы начинали таскать из кухни разнообразные блюда и напитки.

Я уступил тестю его законное главенствующее кресло – остальные сидели на диване, сын – не в счет, у него был свой отдельный столик со стулом.

Тесть включал телевизор. Как раз начиналась программа вечерних новостей. И под новости прошедшего дня мы начинали поедать основное блюдо, добавляя салат в маленькие салатницы, двигая по большому столу туда-сюда хлеб и сметану, наливая из графина компот. Я разливал по рюмкам алкоголь.

Если рюмки наполнялись недостаточно часто, то тесть начинал беспокоиться за нас:

– Чего у вас пустует-то?

Если он сам выпадал из алкогольной игры, то это не значило, что остальным можно расслабиться.

– Под такую-то закуску я бы уже давно эту бутылку кончил, – возмущался тесть.

После третьей рюмки теща говорила:

– Мне, наверное, хватит.

– Да ладно, – не верил я.

– Ну, может, половиночку, – отвечала она.

Еще две или три половиночки я ей после этого диалога наливал, в зависимости от того, нужно ли ей было на следующий день на работу.

– Хороший напиток, – говорила она, поглядывая на незнакомую бутылку коньяка.

После того как была проведена пенсионная реформа, президент России перестал пользоваться безусловным авторитетом, и теперь его часто ругали вместе с остальными «пидарасами-чиновниками».

– Вот чешет! – замечал тесть, отделяя вилкой большой кусок котлеты.

– И ведь не стыдно им врать народу, – поддерживала разговор теща.

– За лохов нас держат! – не унимался тесть.

– А видели эту рекламу, где счастливая бабулька рекламирует «Почта Банк»? Как будто мы не понимаем, к чему это! – откидывалась теща на спинку дивана.

– Да пиздаболы они все, – проводил итоговую черту разговору тесть и огромным указательным пальцем переключал канал.

Новости, правда, и так подходили к концу. И тесть знал об этом, иначе бы не переключил.

Когда основные блюда были съедены, мы шли с тестем курить. Обсуждали нюансы стройки, закачанный сериал, вспоминали армейскую службу, или тесть рассказывал про тонкости варения самогона.

– Хвосты отдельно, а головы отдельно. Главное, все рассчитать. Я на этом уже собаку съел, – говорил тесть, посматривая на пылящиеся баки, в которых когда-то шли спиртовые процессы.

– А на солоде не пробовал? – поддерживал я разговор.

– Не. Нахуй! Слишком геморройно. У меня нет столько ресурсов, – говорил он и следом рассказывал все про варку виски.

Вернувшись за стол, тесть громко сообщал свое желание:

– Чаю бы! – И теща вставала из-за стола и шла на кухню ставить чайник. – И булку с маслом, – добавлял тесть чуть громче, чтобы было слышно на кухне.

Эта «булка с маслом» вызывала у меня изумление. Как она после всего съеденного в него вмещалась? Если не было булки, тесть заказывал мороженое. Им и я мог шлифануть съеденное.

– Спасибо всем! – говорил он, поднимаясь из-за стола, и шел к себе в комнату еще немного посмотреть телевизор перед сном, предварительно взяв со стола максимальное количество грязной посуды, чтобы занести ее по дороге на кухню. Это было, пожалуй, единственное, в чем он помогал по быту.

Я наливал последнюю «половинку», и теща, поблагодарив всех, шла за ним.

– Спокойной ночи, мам, – говорили мы с женой и с удовольствием выключали ТВ, чтобы посмотреть какой-нибудь фильм, заранее скачанный с торрента.

* * *

Когда я выхожу покурить в огород и вижу все эти уютные накренившиеся дома, я вспоминаю похожий частный сектор в моей родной Тульской области.

Посещал я его потому, что в детстве был членом Евангельской церкви. Они были последователями Всемирного пятидесятнического братства, самого многочисленного из всех направлений протестантизма.

Их учение было наиболее близким к баптизму. Они предпочитали называться христианами веры евангельской или христианами евангельской веры.

А если коротко – пятидесятники.

Чтобы объяснить, как меня занесло в секту, придется вспомнить историю, которая произошла с моей прабабушкой Наташей.

Наташа жила со своими родителями в Кимовске (Тульская область). В четырнадцать лет у нее отнялись ноги. Это произошло в день, когда началась Великая Отечественная. Она вспом-

нила о лежащей на подоконнике соседа-атеиста Библии. Попросила отца принести и читала с утра до вечера. Вскоре Наташа начала ходить. И креститься. Она стала православной.

Чтобы семья не умерла с голоду, отец переправил Наташу со старшим братом в Ростовскую область. В 1943-м они попали в немецкий плен. Их отправили в концлагерь на юге Германии.

Она почти не рассказывала, но, бывало, я раскручивал ее на обрывочные истории. Наташа рассказывала про самолет, от которого бегала со своей ростовской подругой.

Представьте себе. Низенькая прабабушка, с голубыми яркими глазами и приятным старческим запахом, с неизменной Библией на кухонном столе, протягивает мне ириску и шепотом говорит, как две шестнадцатилетние девочки пытаются уклониться от авиационного обстрела.

– А где был Сталин в это время? – интересовался десятилетний я.

– Не надо так громко, Ричик, – спокойно поправляла меня прабабушка.

– А что будет? – не понимал я.

– Просто не надо так громко, – улыбалась прабабушка.

Соседкой по концлагерю у Наташи оказалась протестантская евангелистка. Именно она объяснила ей, что надо прекратить креститься.

– Не нужно служение рук человеческих, – цитировала соседка Библию. Чтобы попасть в Царство Небесное, ей необходимо принять Святого Духа.

Наташа приняла его и заговорила на иных языках.

В конце войны их эвакуировали американские солдаты.

– Чернокожие солдаты выдергивали русских девушек за волосы и насиловали их, – уже папа рассказывал мне некоторые эпизоды плена прабабушки. – Ее одну в бараке не тронули.

Когда все закончилось, Наташа дала обет безбрачия в знак благодарности Господу.

Добравшись до родного Кимовска, Наташа помыкалась в поисках пятидесятнической церкви и, не обнаружив ее, зажила простой мирской жизнью, лишь иногда обсуждая главы Евангелия со старшим братом, он тоже стал верующим в плену.

Обет безбрачия она благополучно нарушила и вышла замуж за водителя грузовика – крепкого, пьющего мужика с хорошей работой. Сама работала сначала на железной дороге, а позже освоила бухгалтерский учет и дослужилась до должности главного бухгалтера на местном предприятии.

У них родился сын, затем дочь. А в тридцать три ее муж захлебнулся в собственной рвоте. Наташа вспомнила про свой договор с Богом, его она тщетно попыталась расторгнуть.

Дети росли и, чем дальше, тем больше походили на своего отца. Наташа, переехав в соседний город, возобновила поиск Евангельской церкви.

Когда ей стукнуло пятьдесят, кто-то показал домик на окраине города, в котором собирались пятидесятники.

Именно о нем я вспоминаю, когда выхожу покурить в огород.

* * *

– Дело мне нужно, – вчера вечером заметил тесть. Мы курили в сарае. Он мрачно оглядывал свои инструменты. – Скучно, пиздец.

Все в этом доме знали, что если тесть больше недели сидит без работы, то это прямой путь в бутылку. Основная работа завхозом в детском саду не занимала много времени и не удовлетворяла сполна его жажду деятельности.

– А с заказом что? – имея в виду металлоконструкцию в огороде, спросил я.

– Так она законченная, жду, когда этот чепушила ее заберет. – Тесть называл так почти любого человека, не умеющего самостоятельно работать руками, даже если это был его заказ-

чик. Я, как родственник, был исключением, поэтому в глаза меня пока ни разу не назвали ни чепушилой, ни рукожопым, ни тупошарым.

Максимум, что мне доставалось, – расхожая строчка из песни Ноггано: «Зять – нехуй взять». Я сам эту строчку напел тестю, когда мы вместе клали плитку во дворе и я проявил себя не лучшим напарником. Тесть зычно рассмеялся и с тех пор вежливо замечал:

– Как ты там, Ричард, говоришь? Зять – что?

И я с удовольствием продолжал фразу под смех тестя.

– А баню ты хотел усовершенствовать, помнишь? – вспомнил я.

– Так материала нет. И денег на него. Так бы, ясен хуй, усовершенствовал, – стряхивая пепел, отчеканил тесть, делая упор на последнем длинном и смешном слове.

– Может, объявление в газету дашь, что ты делаешь теплицы? – предпринял я последнюю попытку.

– Да я все могу делать, хоть теплицы, хоть гараж. Нахуй бы кому нужно это было здесь, – потушил сигарету тесть и, подойдя к двери дома, начал переобуваться из укороченных валенок в тапки.

На следующий день, вернувшись с работы, пообедав и вздремнув, тесть вспомнил, что к приезду внука должен был собрать для него кровать. Обстоятельства тогда сложились иначе, зато теперь было небольшое дело, которое могло бы оправдать вторую половину дня.

Он аккуратно разложил все части будущей кровати, достал саморезы, шуруповерт и приступил к работе.

Из окна зала, где тесть намеренно неторопливо собирал кровать, было видно, как сосед Петро вышел из дома с лопатой и начал долбить лед у гаража. Думаю, что если бы эту лопату взял мой двухгодовалый сын, то эффекта было бы больше.

Я давно не видел Петро, хотя часто вспоминал о нем, видя его дом.

Несколько лет назад мы с тестем начали с утра праздновать 9 Мая. Женская часть дома объявила нам бойкот, поэтому пили и закусывали мы на улице, где и повстречали соседа Петро. Он тоже чтит великий День Победы. После нескольких тостов Петро начал сбивчиво, но грамотно раскладывать нам всю политическую ситуацию в мире. Причем было видно, что источником его знаний был не столько телевизор, сколько исторические книги.

– Тебе нахуя вся эта информация нужна? – недоумевал тесть.

– Ну как же, я живу в удивительной стране, мне важно, что происходит на геополитической арене, – отвечал Петро.

Когда Петро узнал, что я бывал на войне в Донбассе, то крепко пожал мне руку и сказал, что рад знакомству.

– Рома же? – уточнил он мое имя.

– Ричард.

– Как?

– Ри-ча-рд.

– А! Понял, – кивнул Петро, – очень приятно.

Шуток про американца или про Ричарда Гира, Ричарда Львиное Сердце, Ричарда Третьего, Рихарда Зорге не последовало.

С тех пор вблизи я видел его только раз. Жена Петро попросила нас с тестем погрузить его в «скорую помощь». Тяжелый и облеваный, Петро извинялся:

– Ребя-а-ата, вот так вот... получилось. Не сердитесь.

Мы и не думали сердиться.

– С кем не бывает, – заметил тогда тесть.

– Хуя себе, Петро вышел! – Тесть наконец заметил работающего Петро из окна, когда отошел от детской кровати, чтобы посмотреть, как она выглядит со стороны.

– Давно его не видно было, – подтвердил я.

– Так он дома всегда сидит. Разве что за вином выйдет. – Все алкогольные напитки тесть называл «вином». – Бывает, до магазина дойдет, а обратно машину вызывает – сил не хватает, – рассказывал тесть. – Даже двор его баба чистит.

– Весело.

– Ох, чую, не к добру, что Петро вышел, – заулыбался тесть, – ой, не к добру.

– Да, на него непохоже.

– Что-то нехорошее грядет. Отвечаю!

Сын подбежал к своей новой кровати и стал трясти ее, проверяя на прочность.

– Подходит? – переключился на сына тесть.

– А-а-а-а-а-а-а! – одобрил работу сын.

– Ну вот и я думаю, тебе в самый раз.

– А-а-а!

– Петро тебе такую хуй сделал бы. – Тесть в присутствии внука не чурался материться.

В зал зашла жена. Оценив кровать, она подошла ко мне и шепнула на ухо:

– Хочешь прикол?

– Хочу, – ответил.

– Тогда идем на кухню.

Мы вышли. Она подняла футболку и, расстегнув лямку лифчика, показала мне правую грудь, на которой был наклеен маленький ценник с цифрами «105».

– Прикольнo, – сказал я.

– Третий день уже так хожу. Думала, ты заметишь, и мы поржем.

– А-а-а-а, – заговорил я языком сына.

* * *

Проснулся я под песни «Любэ».

Приехала младшая сестра жены. «Огонь, огонь, огонь и я», – кричал Расторгуев, а жена радостно сообщала сестре, что только что поняла:

– Оказывается, он поет «аго-ни-я»!

– Ты че, дура? В этом же прикол песни, – отвечала сестра.

Я встал и пошел умываться.

В зале посреди шариков от одной танцующей девушки к другой бегал радостный сын. Ему сегодня исполнялось два года, поэтому, помимо шариков, в зале лежала пустая бутылка шампанского. «Начали праздновать с утра», – догадался я. Сын подбежал к бутылке и, наклонившись, толкнул ее, она покатилась, чуть не попав под ногу прыгающей жены.

Теща что-то готовила на кухне.

– Ты чего, мам, уже готовишь? – зашел я к ней.

– Так сегодня Шамиль с Олей придут! – напомнила она.

– Точно. Шашлык будем делать? – заметил я собирающего мангал тестя в окне.

– А как же!

– Во сколько они придут? – задал я вопрос, чтобы понять, с какого времени сегодня придется выпивать.

– К пяти должны быть, – подтвердила мои худшие ожидания теща.

Поскольку в деревне все рано ложились спать, то и в гости на ужин друг к другу ходили рано. Я же, сохраняя свой городской ритм, ложился часа в два-три ночи. Часто, отправляясь спать, я встречал уже проснувшихся родителей жены.

Как только сын был уложен на обеденный сон, жена с сестрой пошли в магазин за мясом. Я не стал напрашиваться, вдвоем им было веселее. Подошла теща и, сообщив, что «эти беспутые» не взяли с собой телефоны, попросила сходить за водкой.

– Так Шамиль же самогон принесет, – недоумеваю, зачем идти в магазин, раз в дом придет человек, известный своим «напитком».

– Ну принесет и принесет, а принимаем-то гостей мы, – объяснила мне теща и протянула тысячу рублей.

– Не надо, мам. – Я всегда сопротивлялся, когда она пыталась дать мне денег.

– Возьми! – твердо сказала теща, насильно всунув мне купюру в декоративный карман футболки.

Я встал и натянул джинсы на домашние лосины, которые подарила теща. Надел вязаный свитер и украдкой зашел в спальню к родителям жены. Положил на тумбочку тысячерублевую купюру и, проходя через кухню, решил, что выпью перед дорогой чаю.

– За вином идешь? – сказал сидящий за кухонной стойкой-столом тесть.

– За ним. Только чаю выпью, – ответил я.

– Ты черный пьешь? – поинтересовался тесть.

– Да. С лимоном. – Я распаковывал пакетик «TESS».

– А зеленый не пьешь? Там есть, – глотнув из своей кружки, на которой был изображен

Шойгу, продолжал тесть.

– Раньше пил, а потом у меня от него изжога началась, – сказал я, удивляясь любознательности тестя.

– Я вот раньше тоже пил зеленый. Без сахара. С конфеткой, – начал историю тесть.

– Ого!

– Ага, прямо как ебанный интеллигент!

Я рассмеялся. Тесть продолжал:

– А потом подумал, ну перед кем я, блядь, выебываюсь? Какой еще, нахуй, зеленый чай с конфеткой? Это же пиздец какой-то. Че я буду из себя аристократию корчить! – нешуточно раззадорил сам себя тесть.

– И? – Его речь стала напоминать классический монолог из фильма Тарантино.

– И я вернулся к черному чаю с тремя ложками сахара и больше не занимался этой хуйней. – Черный чай тестя кончился вместе с историей, и он встал и отнес пустую кружку в раковину.

Посуду у нас в доме мужчины не мыли.

Когда я возвращался по скользкой темной дороге, крепко держа пакет с двумя бутылками «Белой березки» и двумя пачками сигарет, для себя и для тестя, мне вдруг стало очень грустно оттого, что мы все так много и часто пьем – в любые дни, по любым поводам, без меры.

Я шагал по мосту, идущий навстречу мужик окликнул меня: «Женёк!» Я подумал, что легче будет просто пожать руку.

– Не узнал. Бывает, – сжимая мою руку, сказал мужик, так и не поняв, что я не Женёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.